

¹ Иркутский государственный лингвистический университет
ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия
E-mail: leto1994@mail.ru

² Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
пр. Ленина, 92, Абакан, 655017
E-mail: ludvik.abakan@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЭПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Предложен анализ механизма формирования и функционирования метафорической номинации как одного из видов эпических антропонимов. Доказывается, что основным способом формирования метафорических имен собственных является перекатегоризация характеризующей предикатной дескрипции в идентифицирующую дескрипцию, которая, не теряя метафорической природы, становится именем собственным для референта.

Ключевые слова: эпический дискурс, имя собственное, апеллатив, идентифицирующая дескрипция, референт, метафора.

Объектом исследования в данной статье являются имена собственные (далее – ИС) дескрипции в эпическом дискурсе. Цель статьи – описание механизма формирования метафорического имени как одного из видов эпических антропонимов. Исследование имен и дескрипций проводится на материале эпических сказаний хакасской лингвокультуры.

Обращение к эпическому дискурсу, возникшему в результате разложения древних мифов, позволило выявить набор антропонимов, выраженных ИС с метафорическими значениями. Отмеченные виды имен являются бифункциональными образованиями, поскольку, наряду с идентификацией, выполняют индивидуализирующую функцию. Наличие идентифицирующей функции указывает на их принадлежность к классу личных имен (антропонимов). Индивидуализирующая функция, заложенная в форме и содержании эпических имен, относит их к классу дескрипций. Под *дескрипцией* в данной работе (вслед за Б. Расселом [1999], Н. Д. Арутюновой [1999], Е. В. Падучевой [1985] и др.) понимается языковая структура, выраженная апеллативом (апеллативным словосочетанием), способная

приобретать конкретно-референтное употребление и функционировать в качестве имени в дискурсе.

Анализ эпических номинаций показал, что в эпосе в ИС переходил один из характеризующих предикатов, приложимых к таксономическому имени героя. При этом сам таксоном (*человек, дева* и т. п.) мог: а) оставаться в ранге экзистенциальной (интродуктивной) дескрипции; б) преобразовываться в идентифицирующую дескрипцию вместе с предикатом-определением; в) опускаться.

Рассмотрим варианты актуализации дескрипции *алтын арыг* (*алтын* – золото, *арыг* – чистый, светлый, ясный, прозрачный) [Хакасско-русский словарь, 1953. С. 32]), используемой в эпосе в качестве имени собственного.

«Улуг аалнынъ кистінде Кирім сын турчадыр. Кирім сыннынъ устунде Алты хурлыг Ах хая пар. Ах хаянынъ истінде чалбах таста чада пучадыр арыг сіліг хыс кізі – **Алтын Арыг** полар. Худай хынып чаян хыс кізі **Алтын Арыг** Ах хаяданъ сыгар синге чит парган полар... Чарыг тигірдінъ алтында **Алтын Арыгданъ** алып полбас» (Алтын-Арыг, 1988. С. 24).

«За большим селением стоит хребет Кирим-сын. На вершине хребта Кирим-сын есть Белая скала с шестью уступами. Внутри Белой скалы на плоском камне рождается прекрасная дева – это будет *Чистое Золото*. Благословленной богом *Деве Чистое Золото*, из Белой скалы выйти, видно, время пришло... Под ясным небом не будет богатырки лучше, чем *Чистое Золото*» (Алтын-Арыг, 1988. С. 266).

Дескрипция *алтын арыг* номинирует главную героиню эпического произведения – девушку-богатырку.

Номинация *хыс кизи* (дева) является простой дескрипцией таксономического значения, реализуемой в экзистенциальной и интродуктивной позициях. В сочетании с характеризующим определением *арыг силиг* (прекрасная) данная именная группа выступает как неопределенная дескрипция и представляет собой первую номинацию объекта в бытийном предложении «*путьчадыр арыг силиг хыс кизи*» (рождается прекрасная дева), вводящем объект *хыс* (дева) в мир текста.

Однако таксономическое имя *хыс* не становится функциональным ИС. В структуре эпоса в этой роли реализуется одна из идентифицирующих дескрипций – *алтын арыг*, называющая, наряду с *хыс*, референт произведения.

Как показал материал исследования, по своему происхождению (первичному статусу) данная дескрипция является одной из многочисленных предикатных дескрипций, входящих в структуру эпического повествования. Из позиции предиката – «*алтын арыг полар*» при *хыс* как субъекте она переходит в позицию характеризующего (предикатного) определения при дополнении – «*хыс кизи Алтын Арыг*», изменяясь категориально в следующем предложении в идентифицирующую дескрипцию в роли подлежащего.

В дальнейшем тексте эта дескрипция реализуется, наряду с другими предикатными дескрипциями, не изменившими своего статуса: «*ханнынъ хызын алпирерге полысча*» ≈ та, которая помогает наследнику ханского престола в борьбе за невесту; «*Тамыханы одірче*» ≈ та, которая убивает сильнейшего врага – Тамыхана; «*ханнынъ оолгына хан-пиг поларга хабасча*» ≈ та, которая возвращает ханского сына на престол; «*чоннарны, чобагданъ азырылып, чирине айлан*

дырча» ≈ та, которая возвращает угнанных людей в родное владение; «*чирлиг малны чирине таратхан*» ≈ та, которая возвращает угнанный скот в родные земли; «*чоннынъ учун чобал чорче*» ≈ та, которая заботится о народе; «*сыгар кунненъ сыныхча*» ≈ та, которая прекрасна как восходящее солнце; «*падар айданъ соглыгча осхас*» ≈ та, которая чиста как убывающая луна; «*ах агыллыг*» ≈ та, которая чиста душой; «*кун сагыстыг*» ≈ та, которая имеет светлые мысли; «*чипче чазыгы полбаан*» ≈ та, которая вины и с нищоту не имеет и т. д. А также с гетерономинативными единицами (определенными дескрипциями), занимающими позицию актанта: «*Че, чачанъ солен полза, чорібіс! – Если сестра просила, то поезжай!*» (Алтын-Арыг, 1988. С. 78). «*Алтан салган ал пазы алыптынъ артых алып парчадыр*» – На коне *лучший из богатырей* едет» (Там же. С. 98).

Отметим, что подобные дескрипции, в совокупности эквивалентные произведению как «биографии» и социально-этическому портрету героини, по отдельности не актуализируют «объект в его целостности, а представляют некоторую временную фазу, или срез объекта» [Падучева, 1985. С. 84]. В другой терминологии, набор таких дескрипций представляет собой ряд «динамических интерпретантов» [Пирс, 2001], характеризующих референта в определенное время с целью его идентификации.

Что же касается дескрипции *алтын арыг*, то она, как показывает эпический дискурс, актуализирует ключевой признак объекта как целого и содержит конечную интерпретанту, обуславливающую переход стадийного оценочного признака в константный. Это, в свою очередь, позволяет использовать данную идентифицирующую дескрипцию не только как функциональное, но и как подлинное ИС, т. е. постоянное средство номинации, обладающее кроме коннотата конкретно-референтным употреблением.

Преобразование дескрипции *алтын арыг* в антропоним подтверждается следующими примерами с именем в актантажной позиции:

«*Улуг чыргалын коріп, ус кун турган Алтын Арыг*. <...> *Аргалыг сында турын арыг силиг Алтын Арыг, аарлыг тойын коріп, ачырган турадыр. Улуг чыргалга хыгырбаннанъар изіргеніп турчададыр. Изебі чох Алтын Арыг илге илек пол тургандаг,*

погімі чох *Алтын Арыг* чонга чоох осхас полган» (Алтын-Арыг, 1988. С. 104).

«Три дня стояла *Чистое Золото*, глядя на большое ликование. <...> Прекрасная *Чистое Золото* стоит на высоком хребте одна, наблюдая за дорогим для нее пиром, переживает. Страдает оттого, что не пригласили ее на большой пир. Похоже, могучая *Чистое Золото* стала у народа предметом для пересудов. Видно, неукротимая *Чистое Золото* стала у народа предметом для насмешек» (Там же. С. 345).

«*Аргалыг сыннынъ устунде чуртайбын за*», – теен, ачырганган *Алтын Арыг*, ах ибденъ сых чорібіскен. Ах сабдар адына алтанын, аал аралап парыбысхан. Аргалыг Ах сынга сых киліп, аттанъ тускен *Алтын Арыг*, чалбах тас тозе тастап, умах тас тастаи тастаан, алты айланын, *Алтын Арыг* анда чат салган (Там же. С. 83).

«Что ж буду жить на высоком хребте, – сказала огорченная *Чистое золото* и вышла из белого дома. Сев на бело-игреневого коня, через аал (село) проехала. Поднявшись на высокий хребет Ах-сын, с коня сошла *Чистое Золото*. Широкий камень постелью сделала, камни поменьше вместо подушки положила, шесть раз пройдя туда и обратно, *Чистое золото* там и улеглась» (Там же. С. 325).

Рассматриваемое с позиций формирования переносного значения ИС *Алтын Арыг* – это идентифицирующая дескрипция-метафора, восходящая к предикатной метафорической дескрипции. Еще на стадии предикации метафорическая дескрипция проявляет себя как семантически двойственное, двуплановое образование. Характеризуя субъект, ставший мишенью метафорической проекции [Лакофф, Джонсон, 2004], дескрипция полностью не утрачивает денотативный компонент, сохраняя свою предметную соотнесенность с «золотом» как источником осуществляемого переноса. Кроме того, она приписывает субъекту ряд дополнительных ассоциативных признаков *алтын*: ‘благородство’, ‘твердость’, ‘ценность’, ‘красота’.

Преобразуясь затем в ИС, дескрипция закрепляет указанный коннотат за девушкой как за своим единственным референтом в дискурсе. При этом, однако, семантика ИС не ограничивается только референциальной и коннотативной составляющими. ИС-дескрипция сохраняет и некоторый (значи-

тельно редуцированный) сигнификативный слой, актуализация которого обусловлена самым используемым апеллятивом – *алтын*.

Полностью соглашаясь с мнением Н. Д. Арутюновой о том, что «таксономически существенные признаки класса <...> устраняются» [1990. С. 236] из характеристики субъекта метафоризации, отметим, что их абсолютная элиминация может привести к утрате метафорическим ИС своей дескриптивной индивидуализирующей функции. Иными словами, его значение будет трудно отличить от ряда других репрезентантов метафоры *знатная девушка – это драгоценность*. В частности, от ИС-дескрипции *Чистый алмаз*, сочетающей конкретную референцию в дискурсе с практически идентичным золоту коннотатом (благородство, твердость, ценность, красота).

К сказанному добавим, что на возможность указания на «референт при помощи знаков с различными сигнификатами» в тексте обращали внимание Т. В. Булыгина и С. А. Крылов [1990. С. 444], включая в число таких знаков и метафорические выражения типа *надувало Фагот*.

Сочетание антрополоксемы *Алтын* с эпитетом *Арыг*, «удваивающим» ключевые признаки – ‘чистый, благородный’, актуализирует метафорический перенос с чистоты как физического признака на этические свойства личности героини. Таким образом, эпическое прочтение ИС *Алтын Арыг* – сильная благородная девушка.

Таким образом, эпическое имя *Алтын Арыг* может интерпретироваться как имя концепта, актуализируемого всей совокупностью метафорических и неметафорических дескрипций сказания. Это позволяет рассматривать сумму таких дескрипций в качестве эквивалента идентифицирующей дескрипции-антропонима, обладающего кроме метафорической семантики значением, полученным им в тексте эпоса. Иными словами, героическое сказание как совокупность дескрипций может быть свернуто в ключевом имени произведения, став набором его «эпических» сигнификативных признаков, объединенных с его особым коннотатом.

Рассмотрим ИС-дескрипцию *Пуга моке* «Сильный бык», демонстрирующую, что в эпическую эпоху метафорический перенос осуществлялся не только по модели «не-

одушевленный предмет – одушевленный предмет», но и «животное – человек». Приведем фрагмент сказания.

«Уйбат чогар **Пуга Моке** теен кизи чуртапчатхан. **Пуга Моке** ікі ооллыг полтыр. Анынъ пір окіс чеенізі тыт чаалыг полтыр. Позы **Пуга Моке** муус чаалыг полтыр... **Пуга Моке** кор тур, пызолыг ах киик ойлап одыр, пілін турза, угы коксін отіре саап партыр. Ікі оолгы чеенізіненъ узолень чугурусте читтілер. **Пуга Моке** чоохтап пирген: “Тохтанъар, палаларым, мин олеге чорбін, хумартхы созім чоохтап пирим, пу Ухты сыдап полбин турбын, пір тудым даа сура тартыбызынъар”» [Трояков, 1995. С. 154].

«На реке Уйбат жил один человек, которого называли *Сильным быком*. У *Сильного быка* было двое сыновей. Также жил с ним племянник-сирота, у которого был листовенничный лук. У самого *Сильного быка* был роговой лук. Смотрит *Сильный бык*, а там олень с олененком бежит, и вдруг осознал: стрела ему грудь насквозь пронзила. Оба сына с племянником прибежали к нему. *Сильный бык* сказал им: «Погодите, дети мои, я скоро умру, скажу свое завещание, не хватает сил выдержать эту стрелу, вытащите ее только на пять пальцев» (пер. наш. – Т. Л., Л. Ю.).

В первом предложении апеллатив *кизи* (человек) является неопределенной дескрипцией таксономического значения. В качестве экзистенциальной дескрипции он представляет собой первую номинацию объекта в бытийном предложении «*кизи чуртапчатхан ...*» – жил один человек. Как и в предыдущем случае, таксономическое имя широкой семантики *кизи* не переходит в дальнейшем в разряд ИС.

Кроме того, в первом предложении присутствует дескрипция *пуга моке*, используемая в так называемой автономной позиции. Согласно Е. В. Падучевой [1985. С. 66], именные группы при автономном употреблении (в контексте глаголов названия) направлены не на референт текста, а «обозначают сами себя», что позволяет отнести соответствующую дескрипцию к неопределенным.

Однако мы считаем, что данная дескрипция, закрепленная в эпосе в устойчивой дискурсивной форме, генетически связана с характеризующей предикатной дескрипцией, точнее, с метафорическим предикатом,

возводимым к структуре *кизи – пуга моке* – «этот человек – сильный бык» ← «подобен сильному быку».

В последующем тексте дескрипция *пуга моке* переходит в актантную позицию, преобразуясь тем самым в идентифицирующую дескрипцию, функционирующую как имя собственное. При этом ее предшествующее употребление при глаголе названия четко указывает, что данная дескрипция служит в сказании единственным полноценным антропонимом номинируемого персонажа. Таким образом, ИС *Пуга моке* приобретает в эпосе конкретно-референтное употребление, частично сохраняя сигнификативный слой, присущий лежащему в его основе апеллативному словосочетанию.

Что же касается предпосылок выбора именно этой характеризующей дескрипции из множества других предикатов (например: «*уйбат чогар чуртапчатхан*» – жил на реке Уйбат; «*ікі ооллыг полтыр*» – был отцом двух сыновей; «*пір окіс чеенізі тыт чаалыг полтыр*» – приютил племянника, имевшего листовенничный лук; «*анъчы полган*» – был охотником; «*оолларга хынган паба*» – любим сыновьями; «*хумартхы созін чоохтап пирген*» – сказал свое завещание и т. д.), то они были определены спецификой хакасской лингвокультуры.

Уже в период расцвета Окуневского искусства в ней фиксируется миф о быке-прародителе, центральными образами которого выступают женщина-мать и ее тотемный супруг – бык. Архаический бык, таким образом, концептуализируется как животное с признаками «родоначальник, источник плодородия», закрепленными в коннотате зоонима *пуга*. В мифологическую эпоху указанные признаки приписывались деме-тафорической ипостаси быка-демиурга – человеку, впоследствии включаясь в структуру метафорических антропонимов хакасов. Согласно М. И. Боргоякову, миф посредством своей устойчивой смысловой единицы дал конкретный образ, который в эпосе «ассоциируется, с одной стороны, с образом Солнца, с другой стороны, с понятием <...> “плодородие”, игравшим исключительную роль в жизни древних кочевых народов» [Боргояков, 2008. С. 76]. Сказанное косвенно подтверждается и использованием в тексте других предикатных дескрипций, в том числе *ікі ооллыг* – отец двух сыновей.

Характеризуя семантику метафорических ИС, добавим, что значение одушевленности / неодушевленности в них могут передавать не только имена существительные, но прилагательные. С этой точки зрения различаются одушевленно-маркированные прилагательные, обозначающие признаки живых существ (например, *мирген* – проворный, меткий), неодушевленно-маркированные имена, обозначающие признаки неживых предметов (явлений) – пространственные и временные качества и отношения, воспринимаемые чувствами свойства и качества вещей, признаки по отношению к материалу изготовления (*тимир* – железный, *тас* – каменный и т. п.).

Совпадение сем одушевленности / неодушевленности определяет функцию эпитета в имени. С этой точки зрения эпитет может выступать либо активатором признака, либо его модификатором. В дескрипции *Пуга Моке* не происходит противопоставления сем одушевленности / неодушевленности, так как оба компонента ассоциируются с одушевленными объектами. В данном случае прилагательное выступает активатором признака существительного *пуга*.

Возникшие в результате метафорического переноса ИС-дескрипции могли быть выражены и простым апеллятивом: *Блачин* – Сокол, *Хураган* – Ягненок, *Хулун* – Жеребенок, *Хурусха* – Мерлушка, *Хуча* – Баран, *Парчых* – Скворец, *Тиин* – Белка, *Пага* – Лягушка, *Торгай* – Жаворонок и т. д. [Бутанев, 2008].

Такие имена существовали и вне текстового пространства. В частности, дескрипция *Блачин*, упомянутая в перечисленном выше списке личных имен, была приведена Н. Ф. Катановым в «Отчете о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной летом 1899 года» [2001].

Номинация также демонстрирует сложную диалектику преобразования дескрипции в ИС. Ее реконструкция может быть представлена в виде переноса апеллятива как метафорической предикатной дескрипции «*kizi – ылачин*», восходящей к предикатной дескрипции-сравнению «*ылачин осхас*» (подобен соколу), в актантную позицию или в позицию обращения. В результате апеллятив *ылачин* преобразуется в идентифицирующую дескрипцию, которая, не утрачивая метафорической природы, становится ИС референта.

Подобный генезис также обусловлен мифологическими представлениями хакасов, закрепленными в зоониме в виде лингвокультурно-специфичного коннотата «почитаемая, уважаемая птица, претендент в цари в мире птиц». В результате метафорической проекции указанные признаки из сферы источника «птица» переносятся в сферу-мишень «человек», приводя к появлению дескрипции-антропонима, характерного для эпической эпохи.

Таким образом, изучение хакасских ИС, основанных на метафоризации, позволяет сделать вывод о том, что данные номинации отличаются особым генезисом, при котором определенная дескрипция / ИС образуется из характеризующей предикатной дескрипции.

Проанализированные антропонимы демонстрируют сложную диалектику преобразования апеллятивного сочетания с прямым значением в метафорическую предикатную, а затем ИС-дескрипцию путем проекции свойств денотата имени нарицательного на референт, относимый к другому классу объектов. Эпическое имя-метафора строится на основе подобия и демонстрирует перенос признаков с одного объекта на другой при наличии сходства между ними. ИС-дескрипции такого порядка характеризуются утратой первичного денотативного компонента и большей части сигнификативных признаков. Редукция сигнификата, восполняемая коннотативным компонентом, демонстрирует движение от непосредственной буквальности вещи к ее метафорическому значению.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1999.

Боргояков М. И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке). М., 2008. URL: <http://www.istorya.ru> (дата обращения 03.05.2010).

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Сигнификат // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 2004.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Пирс Ч. С. Принципы философии: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1.

Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Изд-во «Водолей», 1999.

Хакасско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.

подгот. текста, статья, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988.

Бутанаев В. Я. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008.

Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакассии и сопредельных территориях / Сост. С. А. Угдыжеков. М.; Абакан, 2001.

Трояков П. А. Мифы и легенды хакасов. Абакан, 1995.

Список источников

Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос / Сказитель П. В. Курбижеков; запись и

Материал поступил в редколлегию 08.05.2013

T. E. Litvinenko, L. V. Yuyukina

GENERATION OF METAPHORICAL PROPER NAME IN THE EPIC DISCOURSE

The functioning and mechanism of generation of metaphorical nominations are considered in the article. Conversion of characterizing predicate description into definite description is claimed to be the central mechanism of generation of metaphorical names.

Keywords: epic discourse, proper name, appellative, definite description, referent, metaphor.